

«ТРИАДА ВРАЖДЕБНОСТИ»: ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Слова о том, что легко любить других людей, да к тому же непохожих на вас, могут принадлежать либо святому, либо фарисею. На самом деле практически каждым фактом общения мы должны изживать из собственной души «тень» или «демона». Что это такое? Для культуролога – это древние архетипы бессознательного, всплывающие на поверхность нашего сознания; для физиолога – это биологическая реальность, фиксируемая опытным путем. К. Юнг называл их *«жуткой жизненностью»* инстинктов психики, которая не ведает моральных норм и обладает колоссальной разрушительной силой¹.

Человек, унаследовав от животных досознательные пласты психики, реализует их принципиально иным способом – в системе смысловых знаков культуры, осваиваемой сознанием. Эмоция враждебности психологически концептуализируется, находя опору в механизмах рационализации, в различных мифологических, религиозных и философских системах. Общими в ситуациях враждебного отношения к чужаку, вне зависимости от культурного контекста, являются не только наличие агрессии в мозгу человека, но и характер протекания самой агрессии, а также состав сложной эмоции враждебности (при доминировании тех или иных ее сторон), что создает основу для сравнения.

Гнев, отвращение и презрение, составляющие триаду чувств враждебности, представляют собой эмоциональные механизмы, которые «выключают» чужого из зоны действия принятых моральных норм и катализируют проявление социального зла. Ведь стоит почувствовать, что другой человек не принадлежит к «миру людей», что он «нелюдь» или «недочеловек», к тому же ритуально нечистый, либо просто грязный и

¹ Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

дурно пахнувший, как загнанная внутрь агрессия начинает прорываться наружу и может вылиться в преступление.

Из многообразия межэтнических отношений наиболее интересны в этом смысле взаимоотношения человеческих общностей, принадлежащих к различным цивилизационным пластам истории. В данных ситуациях этносоциальные различия наиболее значительны, а уровень неприятия чужой культуры крайне высок.

Ментальность архетипического человека и эмоция гнева

Основные правила, логика мышления, привычные для европейского человека, в первобытном сознании оказывались нарушенными. Например, первобытный человек с полным безразличием относился к причинно-следственной связи и всякое поражающее его событие связывал с активностью духов².

В противоположность стремлениям человека европейской культуры, ставившего целью освоить и покорить мир, усилия человека первобытной культуры направлены на сохранение стабильности в социальной и производственной структурах. Этому служили и тип расселения, и распределение обязанностей между членами группы и вождем, и обряды перехода из одного возрастного периода в другой, и, наконец, цементирующая этот порядок отношений система мышления.

Что же касается эмоциональной стороны жизни первобытной личности, для нее характерны сильные аффективные разряды, особенно интенсивные и протекающие с отрицательным знаком при таком столкновении с действительностью, когда возникает угроза разрушения привычной картины мира. Одной из наименее социализированных, а потому исторически более ранних эмоций, входящих в «триаду враждебности», является *гнев* – эмоция, для которой характерно сочетание

² Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. С. 251.

высокой импульсивности и низкого уровня контроля³ и которая поэтому чревата *насильственной* формой агрессии. В этой связи примечателен тот факт, что этнографы, занимающиеся племенами, находящимися на стадии первобытности, отмечают у них высокую степень возбудимости и быстроту перехода от дружелюбного состояния к агрессивному. Однако в том случае, если представители другой культуры оказывались включенными в мифологические представления в качестве «положительных героев», агрессия общества направлялась не на них, а на своих *собственных* «инакомыслящих». Это развязывало руки иноземным завоевателям, было причиной гибели сильных государств.

Народы доколумбовой Америки, стоявшие на более высокой ступени цивилизации, чем первобытные племена, и имевшие гораздо более развитую и усложненную мифологическую систему, тем не менее, были преемниками первобытности и унаследовали особенности той картины мира, в которой предметная реальность жизни была прежде всего книгой для прочтения мифологической реальности.

Когда испанцы ступили на землю будущей Мексики, их приняли за богов, сынов и братьев ацтекского бога Кецалькоатля, вернувшихся в предсказанное в старинных преданиях время, чтобы установить его царство на Земле. Аналогичная история наблюдается в Перу. Лишь впоследствии европейцы были включены в мировоззрение индейских общин в качестве «злой силы».

Имперское сознание конфуцианского Китая и эмоция презрения

Культурно-цивилизационные особенности Китая, в котором в течение тысячелетий господствовали патриархально-деспотические способы организации социальной жизни, получившие идеологическое обоснование в конфуцианстве, определили исторические судьбы этой огромной страны, двигавшейся во времени как бы по «сплюсненной спирали». Этот тип

³ См. Изард М. Эмоции человека. М., 1980. С. 292.

общественной системы не случайно стал своеобразной моделью «традиционных обществ» Востока, в которых традиция из механизма самосохранения, воспроизводства и регенерации в жизни родоплеменного общества постепенно превращалась во все более важный элемент государственной политики и национальной культуры, становилась самостоятельной и самодовлеющей силой, значение и авторитет которой со временем не уменьшались, как в Европе, а возрастали.

Пытаясь понять, почему, дойдя до известной исторической ступени, азиатские народы на ней оставались, русский философ П. Чаадаев связал этот факт со спецификой их духовных потребностей. Он пришел к выводу о том, что прогрессу человеческой природы был поставлен предел потребностью в благополучии, которая подминает под себя все остальные интересы⁴.

У правителя Поднебесной была сконцентрирована вся полнота власти и ответственности за установление гармонии во вверенном ему мире. Вспомним в связи с этим мысль, принадлежащую английскому востоковеду Дж. Нидэму. Он писал, что если бы в средневековой Европе обнаружился петух, несущий яйца, его сожгли бы на костре. В Китае же подобная птица без шума бы исчезла, поскольку из ряда вон выходящее событие подрывало миропорядок, за который нес ответственность Сын Неба⁵. Вверенная ему Небом власть распространялась не только на подданных империи, но и на *все* народы Поднебесной или Вселенной⁶.

Конфуцианский образ жизни был символом культуры и цивилизованности. Претворение его в жизнь создавало возможность перестроить мир на истинно человеческих (с конфуцианской точки зрения) началах. Мысль о достижимости идеала, замешанного на патриархально-

⁴ См. Чаадаев П.Я. Второе философическое письмо.// Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 105.

⁵ Цит. по: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 94–95.

⁶ См. Думан Л.И. Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 200.

деспотических ценностях, предопределяла особую роль Китая, в котором теплился очаг культуры, по отношению к другим народам.

Но какую же реакцию вызывали ситуации, когда «варвары» наносили урон престижу империи? Тезис об априорном превосходстве китайского государства включал возможность ошибок или промахов, что приводило к политике «сохранения лица». Любые нежелательные для Китая международные эксцессы с помощью казуистики превращались официальной дипломатией в ожидаемые, подкреплялись «высокоморальными» мотивами⁷. Китай дорого платил за представление о своей исключительности, но, как говорится, «положение обязывало». Так, например, «когда в 1603 году испанские колонизаторы устроили кровавую резню китайских поселенцев на Филиппинах, императорское правительство, не поощряя эмиграции своих подданных, поспешило заявить, что вся вина за случившееся лежит на самих переселенцах»⁸.

На эстетических, а не на рациональных категориях, было построено восприятие чужой культуры в Китае и в более позднее время – в XIX веке, в период формирования национального самосознания, – что нашло отражение в китайской публицистике. Барственное презрение к пошлому и «уродливому» во многих случаях определяет их отношение к вещам, к европейской (буржуазной) культуре, к предпринимательской деятельности, к отдельным политическим фигурам.

Чувство превосходства, которое часто обуславливает недостаток внимания к реальным свойствам того объекта, на который направлена эмоция *презрения-неуважения*, является нарциссическим продуктом развития человеческой культуры. Оно гораздо опаснее по своим последствиям, чем гнев. Из трех эмоций «триады враждебности» презрение – наиболее *холодное* чувство. В диаграммах эмоций, сопутствующих презрению, интерес находится на периферии графика, следовательно,

⁷ См. Бокщанин А.А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М., 1976. С. 138.

⁸ Там же. С. 139.

значимость эмоции, стимулирующей познавательную активность, очень мала. Презрение – это отстраненное переживание, побуждающее к агрессии, проявляющейся в *хитрости и обмане*⁹. Последняя характеристика важна для нас, так как дает психологическое обоснование, например, той изощренной казуистике, при помощи которой извращались реальные факты, касавшиеся взаимоотношений Китая с соседними странами. Кроме того, опасность презрения заключается в устойчивом характере этой эмоции, в отличие от гнева или отвращения. Гнев предполагает достаточно быструю аффективную разрядку, а чувство отвращения способствует переключению внимания на что-либо другое. Ситуация же презрения подчас вызывает *удовольствие*. Следовательно оно само и связанное с ним поведение легко могут быть возобновлены¹⁰.

Европейский рационализм и эмоция презрения-отвращения

Теперь обратимся к духовным коллизиям европейского человека, жившего в эпоху конкисты. Иберийская колонизация Нового Света поставила христианские народы Европы перед фактом многообразия человеческих культур, возникала новая картина мира, в которую должен был вписаться невиданный доселе материк с его обитателями. Протivoестественные обряды, в число которых входили: ритуальное жертвоприношение и непривычные формы брачной жизни; гомосексуализм; виды пищи, одно упоминание о которых способно было вызвать судороги отвращения, и многие другие обстоятельства приводили к мысли об отсутствии у дикарей «цивилизации» – морали и обычаев, дающих представление о должном в мире, причастном к христианству. Такие добродетели, данные человеку Богом и вытекающие из «естественного закона», как трезвость ума, склонность к добру и долгу, казалось, не существовали в туземном мире.

⁹ См. Изард М. Эмоции человека. М., 1980. С. 300.

¹⁰ Там же. С. 226, 304.

«Эти гомункулы не только не соответствуют естественному закону, но нарушают его уже одной своей животной сущностью», – писал Х. Хинес де Сепульведа, теолог и правовед, один из сторонников концепции о человеческой неполноценности индейцев. Испания должна была взять на себя роль «нации-искупителя», «очеловечивающей» тот мир, с которым она столкнулась. Мессианские идеи предполагали осуществление патернализма, опирающегося на насилие, что логически вытекало из усвоенного античного принципа подчинения *несовершенного совершенному*: власть над неполноценными людьми естественна¹¹.

В творчестве Сепульведы, считавшегося лучшим переводчиком Аристотеля, была реализована совершенно особая традиция обращения к античной классике, таящая в себе идейную подпочву евроцентризма.

Для него индейцы – всего-навсего гомункулы, недочеловеки, для которых состояние рабского подчинения являлось оптимальным. Сепульведой и рядом других сторонников идеи рабства индейцев был воспринят античный принцип иерархического строения общества, основанный на ранжировании людей по степени совершенства душевной организации.

Если эмоция презрения получила печальную известность вдохновительницы массовых репрессий, то примешиваемое к нему отвращение к индейцам создавало совершенно особую тональность в той гамме чувств, которую испытывала часть европейцев к открытому ими туземному миру. Отвращение является культурным рецидивом древней эмоции, происходящей из представлений о ритуально чистом и нечистом, уходящим корнями, по-видимому, в *контагиозную магию*. Любопытно, что понятие «*грязный*» является универсальным в различных религиозных системах. Так, например, известно, что враждующие представители христианской и мусульманской общин Бейрута взаимно считают друг друга

¹¹ См. Земсков В.Б. Конкиста, полемика XVI века о Новом Свете и истоки латиноамериканской гуманистической традиции // Латинская Америка. 1984. № 12. С. 50.

«грязными». Отвращение побуждает человека *отстраниться* от объекта, вызывающего отвращение, или *устранить сам объект*¹².

Историческая реальность, к которой мы обратились, относится к зоне утихших бурь, и мы сознательно отошли от анализа тех конкретных конфликтов, в которые включен человек нашего времени – слишком высока цена ошибки в объяснительных моделях в ситуациях, из-за которых сегодня не только пылают щеки в спорах, но и сгорают человеческие жизни. История идет своим чередом, но типы мышления, о которых шла речь, остались, как остались мифы, мировые религии, сложившиеся системы рационального знания. И сегодня, зародившись в конкретной ситуации, эмоция враждебности в «поисках смысла» обретает свою основу в тех системах представлений, той ментальности, к которой принадлежит человек данной культуры.

¹² См. Изард М. Указ. соч. С. 296.